

Н.Дж. Смелзер

РАЦИОНАЛЬНОЕ И АМБИВАЛЕНТНОЕ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ*

В данном эссе я стремлюсь обосновать фундаментальную идею — идею амбивалентности как психологического постулата, необходимого для понимания индивидуального поведения, социальных институтов и в целом условий человеческого существования. При этом я исследую преимущества и ограничения альтернативного постулата — модели рационального выбора, настаивая на необходимости ее дополнения понятием амбивалентности. Идея амбивалентности не только служит объяснению таких явлений, как реакции на смерть и потерю, но и необходима для понимания любви, социальных организаций, социальных движений, потребительских установок, политических практик и институтов, а также фундаментальных ценностей западной демократической традиции.

Ключевые слова: *рациональное действие, амбивалентность, психоанализ.*

Keywords: *rational action, ambivalence, psychoanalysis.*

Идея «рационального» занимает достойное место в истории философии. В этой традиции она тесно связана с разумом — с ментальной способностью, с помощью которой люди способны мыслить логически, размышлять над правильными основаниями поведения и открывать для себя рациональную жизнь, связанную, в свою очередь, с жизнью добродетельной. Идея разума достигла поворотного момента и кульминации в Эпоху Разума во Франции XVIII столетия, подчеркивая способности человечества помыслить упорядоченное, *рациональное общество*, свободное от бремени религии, аристократии и традиции (Taine 1881; Tocqueville 1856).

---

*Послание президента Американской социологической ассоциации 1997 г.

Слово «рациональный» всегда было окрашено позитивно. А. Сика замечает, что «... “рациональность” получила статус тотема, который за последние два века служил чаще лозунгом или символом, нежели убедительным аналитическим понятием» (Sica 1988: 4). Исключением в этой славной истории служит, разумеется, идея «психологической рационализации», когда для постыдных мотивов создаются фальшивые благие основания.

Рациональное продолжает играть роль в современных нам социальных науках, однако, за исключением психологии, его связь со способностью рефлексии почти не прослеживается, а идея добродетельной жизни, выводимая из разума, кажется, исчезла полностью. Сегодня «рациональное» имеет следующие основные значения:

1. *Рациональный выбор* восходит через неоклассическую экономику к британской традиции утилитаризма. Это теоретическое ядро экономики, которое, однако, подверглось значительной переработке и развитию — посредством модификации параметров и других достижений, таких как теория игр. Он также распространялся — то с успехом, то встречая противодействие — в политической науке, социологии, антропологии, праве, теории организаций, менеджменте и т. п. Центральный принцип рационального выбора состоит в том, что индивидуальные и групповые акторы учитывают собственные предпочтения и значимые внешние условия и ведут себя так, чтобы максимизировать свою выгоду.

2. *Рациональность как организационная или институциональная стратегия* выражена в веберовском понятии «рационального буржуазного капитализма», предполагающем *систематическую* организацию идей, людей и ресурсов в интересах инструментальной результативности и эффективности (Weber [1922] 1968). Эту идею также можно обнаружить — хотя и с менее позитивными коннотациями — в хабермасовском понятии инструментальной рациональности, воплощенной в административно-легальной бюрократии современного государства (Habermas 1975). Мысль М. Вебера иногда предполагает *дифференциацию* и *усложнение*, так что — в дополнение к экономике — рационализации могут подлежать административные структуры, правовые системы, музыкальные стили и религиозные традиции. В этом смысле «рациональность» и «рационализация» — почти синонимы: оба понятия относятся к систематическому социо-структурному и культурному развитию. Некоторые постмодернисты и глобалисты рассматривают этот смысл рационального как отличительную черту современного общества, отступающего перед постмодернистскими силами (Albrow 1996: 34–37).

3. *Научная рациональность* относится к допущениям, ценностям, нормам и процедурам научного исследования. Она направляет процесс исследования и разработку теории и эмпирических открытий в соответствии с научной логикой и методами. Те, кто причисляет социологию

и другие социальные науки к наукам, принимают некоторую разновидность научной рациональности, хотя ее постулаты на нашем поле и подвергаются нападкам.

Во второй половине XX в. начинают доминировать значения рационального как рационального выбора и рациональности как институциональной стратегии. Я уже упомянул о наступлении рационального выбора. Вот другие примеры: в *психологии* — огромный успех когнитивной революции с ответвлениями когнитивной и информационной науки; в *теории организаций* — появление теорий рационального менеджмента организаций, включая науку менеджмента в школах бизнес-управления; в *психоанализе* — сдвиг от психологии побуждений и инстинктов к эго-психологии и теории объектных отношений и уменьшение роли бессознательного и иррационального; в исследовании *социальных движений* — перенос акцента с аффекта и идеологии на инструментальные/рациональные перспективы мобилизации ресурсов и организации социальных движений; в революции, ставшей возможной благодаря *компьютеру*, поистине машине рационализации; во впечатляющей экспансии *глобального капитализма*, которую сопровождают широкая рационализация мировых ресурсов, организаций и рынков.

Соответственно, в социальных науках уменьшилось значение нерационалистских и иррационалистских перспектив. Ф. Ницше находит немногих сторонников; З. Фрейда рассматривают как маргинала (даже в антропологии, где вдохновленный им подход «культура и личность» пережил упадок); Г. Лебон десятилетиями находится в забвении; Г. Моска и Р. Михельс славятся не за «иррационализм», а за теории распределения власти; В. Парето известен не благодаря остаткам и дериивациям (идеологическим и эмоциональным измерениям жизни), а благодаря «оптимуму» — рациональному принципу экономики благосостояния и социальной политики; а зиммелевская социология эмоций и эротизма не получает достойной оценки. Сейчас можно наблюдать некоторое движение в психологии и социологии эмоций, но это лишь проблески в сравнении с мощными тенденциями к рационализации.

Главная противоположная тенденция в современном мире — это, определенно, *антирациональность*, направленная против каждой из трех указанных выше форм рациональности. Я имею в виду совокупное влияние таких направлений мысли, как неомарксизм, критическая теория, разновидности феноменологии, отчасти — феминистские и гендерные исследования, культурные исследования и постмодернизм. Некоторые представители неомарксизма и критической теории отвергают большую часть социальной науки как апологию капитализма и государства; феноменологический импульс стремится ослабить позитивистские и генерализирующие аспекты исследования в социальных науках; некоторые феминистские писатели атакуют теорию рационального

выбора и другие направления анализа в социальных науках как подверженные мужскому господству и искажению; постмодернизм же соединяет отчуждение от «рациональных» аспектов современного общества с антинаучным порывом, идентификацией с угнетенными и очарованностью «различием» и уникальностью «другого», отвергая общие принципы и великие нарративы. В то же время представители этих подходов сами взывают к разуму и логике и иногда используют эмпирические данные для подкрепления своих взглядов.

Таким образом, мы наблюдаем поляризацию между разными видами рациональности и реактивной антирациональностью, включающей любопытную оппозицию между левыми и правыми, между тем глубокий анализ нерационального и иррационального остается на обочине познания. Я полагаю, что значение нерациональных сил для индивидуального, группового и институционального поведения можно восстановить, утверждая идею амбивалентности. Я думаю, что мы способны в некоторой степени освободиться от мировоззрения, включающего строгие различия между рациональным, нерациональным и иррациональным.

Некоторые замечания о рациональном выборе

Я буду рассматривать рациональный выбор как теоретическое допущение и как психологический конструкт. Некоторые мои наблюдения будут критическими, но я не собираюсь повторять ни бурные восторги, ни обвинения в адрес рационального выбора. Вместо этого я собираюсь выстроить дополнение к нему.

В неоклассической экономике были определены следующие аспекты рационального выбора. 1. Индивидуальные акторы, не подверженные влиянию других акторов и «свободные от норм» (Coleman 1990: 503), стремятся максимизировать свое благосостояние (выгоду). 2. Акторы обладают полной информацией о собственных предпочтениях, ресурсах, о доступности, качестве и ценах на продукты, а также о рабочих вакансиях и других рыночных условиях. 3. Акторы просчитывают положение дел и ведут себя рационально: не делают ошибок, не забывают того, что они знают, не действуют импульсивно и вообще иррационально. 4. Предпочтения «заданы» — неизменны и не требуют объяснения, это исходная точка, а не объект анализа. 5. Наконец, взаимодействие между двумя акторами, покупателем и продавцом, создает точку равновесия, в которой происходит обмен и сходятся предложение и спрос, полезность и издержки.

В дальнейшем экономисты и другие ученые ослабили каждое из этих положений и теперь анализируют ситуации с неполной информацией, риском и неопределенностью, нестабильными предпочтениями, неравным распределением власти между акторами, с удовлетворительной,

а не максимальной выгодой и т. д. Более того, представители теории рационального выбора перешли от рыночных обменов к анализу ситуаций соперничества (теория игр), голосования и другого политического поведения (Downs 1957), участия в социальных движениях (Oberschall 1973; Olson 1965), расовой дискриминации, решений о вступлении в брак и рождении детей (Becker 1976), а также зависимости (Becker, Murphy 1988). Т. Шеллинг даже разработал модель, позволяющую рационально учитывать отклонения от рациональности (Schelling 1996). Подобные изменения означали — согласно одной из точек зрения — ослабление исходных допущений, позволяющее расширить и уточнить модель рационального выбора, а также «империализм» со стороны экономистов и других теоретиков рационального выбора. Прежде всего, такое развитие теории рационального выбора предполагает концептуальное «растягивание» идеи рационального и угрожает теоретической дегенерацией: *все* становится рациональным, если хорошо постараться, при этом «рациональное» превращается в синоним «адаптивного».

Несмотря на эти послабления и расширения, анализ рационального выбора сохраняет теоретическую связность. Даже если учитывать условия риска, неопределенности, недостаточного знания, третьих сторон и т. п., стратегия представителя теории рационального выбора заключается в превращении всего этого в параметры, после чего задается вопрос: *каким, при данных параметрах*, будет рациональное поведение индивидов? Ответом на него станет построение модели рационального поведения в новых предполагаемых условиях, часто математически выраженных и иногда связанных с гипотетическими или реальными эмпирическими данными. Таким образом, в этом заключается ядро связности, живучей «культуры» анализа рационального выбора (Smelser 1995).

Я сделаю пять дополнительных замечаний о теории рационального выбора:

1. «Рациональное» — это относительное, а не абсолютное понятие. Оно зависит от концептуальных рамок и уровня анализа. Одно и то же поведение (например, курение) может быть рациональным в краткосрочной перспективе (если доставляет удовольствие), но не в долгосрочной (повышая вероятность преждевременной смерти). На охваченном паникой финансовом рынке продажа может быть рациональной с точки зрения индивида, но воздействие совокупности таких продаж на рынки может привести к иррациональным результатам. Сброс токсичных отходов в реку может быть рациональным для фирмы (минимизируя издержки), но не с точки зрения сохранения окружающей среды.

2. Рациональный выбор относителен во втором смысле. Возможность совершать рациональный выбор требует нескольких условий. На уровне индивида необходимым социально-психологическим условием является взаимное доверие и предсказуемость поведения участников

обмена. На уровне общества необходимые условия включают стабильную институциональную среду и правила обмена (рынок), стабильного посредника (деньги или их эквивалент) и правовой порядок, препятствующий воровству, мошенничеству и принуждению и поощряющий принципы собственности и контракта. Сами эти условия не являются ни рациональными, ни иррациональными. Их лучше всего рассматривать как контекст, в котором возможно поведение, ориентированное на рациональный выбор.

3. По иронии, по мере анализа в рамках теории рационального выбора оба слова теряют смысл. Объясняемое поведение не рационально в классическом смысле слова (т. е. не нуждается в рефлексии или рассуждениях). Оно не предполагает даже осознанного расчета, поскольку поведение как продукт рационального выбора определяется, в конечном счете, набором предпочтений и некоторыми объективными факторами (например, ценой и качеством). Более того, даже если актору доступны альтернативы, объяснительная сила предпочтений и условий абсолютна (или должна быть таковой) — таким образом, нет никакого выбора. Поэтому хотя идея рационального выбора риторически созвучна значимым философским традициям рациональности и важным культурным традициям индивидуализма, ни разум, ни выбор не являются необходимыми для того, чем является анализ рационального выбора. Рациональный выбор следует рассматривать как промежуточную психологическую константу, обычно используемую для приписывания смысла и объяснения связей между рынком и другими условиями и видами поведения.

4. Анализ рационального выбора оставляет мало места аффекту или эмоциональным привязанностям (England 1989; England, Kilbourne 1990; Lawler 1997). В некотором смысле, это странное упущение, т. к. главный принцип утилитаризма состоит в стремлении к удовольствию и в избегании боли, где и боль, и удовольствие — аффективные состояния. Подобным образом дело обстоит и с тревогой, гневом, любовью (особенно слепой любовью), невротическим конфликтом и психозом, несмотря на недавние попытки связать на общем уровне рациональный выбор с аффектом (Collins 1993; Hirschleifer 1993; Jasso 1993) и на некоторые исследования чувства сожаления, следующего за решениями в ситуациях неопределенности (Lindenberg 1994; Loomes, Sudgen 1982).

5. В отношении мотиваций акторов теория рационального выбора почти исключительно полагается на *однозначные (univalent)* ориентации. Мотивация состоит в максимизации выгоды или в действии на основании иерархии предпочтений. Да, негативные факторы учитываются, например, в понятии отрицательной полезности и издержек, но они концептуализируются независимо от предпочтений и оцениваются отдельно от них. Состояние равновесия достигается, когда положительные и от-

рицательные факторы «уравновешивают» друг друга. Теория рационального выбора не предполагает, что мы можем одновременно любить и ненавидеть один и то же предмет — или что подобные аффективные ориентации могут не достичь равновесия, не допуская, тем самым, оптимальный выбор и основанное на нем действие.

Природа амбивалентности

Проблемы аффекта и валентности (valence) открывают дорогу другому психологическому основанию поведения — человеческой амбивалентности. Я рассматриваю рациональный выбор как психологический постулат, а не как общий психологический принцип. Как постулат рациональный выбор имеет два преимущества. Во-первых, будучи упрощением, он позволяет создавать формальные модели, которые допускают математическое выражение и способны предсказывать поведение. Во-вторых, как элемент объяснения он полезен в отношении таких социально-структурированных ситуаций (рынки, конкурентные игры, политическая борьба, договорные брачные системы), где интересы играют важную роль, а достижение выгоды и преимущества вознаграждается.

Сейчас я перехожу к рассмотрению другого психологического постулата, также широко применимого. Это постулат амбивалентности — одновременного существования влечения и отвращения, любви и ненависти. Амбивалентность может относиться к людям, вещам и символам. Достаточно обратиться к опыту, чтобы увидеть важность этого явления. Можно, к примеру, разделить мир на людей, которых мы любим, и людей, которых ненавидим, но при ближайшем рассмотрении это различие исчезает. Думая о тех, кого мы любим или кто нам наиболее симпатичен, мы почти всегда находим, что это чувство сопровождается чем-то, что нам не нравится; и даже самые ненавистные нам люди обладают болезненной притягательностью или какой-то подкупающей чертой.

Затрагивая тему амбивалентности, я оказываюсь в хорошем обществе. Можно вспомнить о превосходном эссе Р. Мертона о социологической амбивалентности (Merton [1963] 1976), где он мастерски дает объяснение того, как социально структурированные роли призывают тех, кто им следует, одновременно принимать и отвергать один и тот же объект или норму. Исходным пунктом моего подхода к амбивалентности служат психические процессы, а не роли, но анализ Мертона хорошо сочетается с моим, даже несмотря на то, что они рассматривают амбивалентность с разных точек зрения. Но в другом отношении я нахожусь на враждебной территории. В рецензии на мертоновскую «Социологическую амбивалентность» Д. Левайн указал на склонность американской культуры «избегать дуалистических и амбивалентных положений, предпочитая однозначные утверждения». Американские социологи,

продолжал он, являются частью этой культуры: они склонны искать «преобладающие паттерны, однозначные показатели, одноцветные диаграммы и однолинейные логические выводы» (Levine 1977: 1278; см. также Levine 1985, chap. 2).

Постулат об амбивалентности предполагает, по меньшей мере, два отличия от постулата о рациональном выборе. Во-первых, в теории рационального выбора предпочтения в целом сформулированы в положительных терминах (что хотят люди). Хотя предпочтения можно выразить отрицательно (что люди отвергают), они стремятся к однозначности: плюс или минус. А природа амбивалентности заключается в том, чтобы сохранять *противоположные аффективные ориентации* по отношению к одному лицу, вещи или символу. Во-вторых, анализ рационального выбора рассматривает предпочтения как относительно стабильные, за некоторыми исключениями. Амбивалентность же стремится к нестабильности, выражаясь в разных, иногда противоречивых способах, с помощью которых акторы пытаются с ней справиться.

Хотя постулат амбивалентности отличается от постулата рационального выбора, первый не выступает теоретическим конкурентом второго и, определенно, не противостоит ему. Оба созданы в целях понимания, анализа и объяснения. Я утверждаю, что понятие амбивалентности приводит нас к пониманию и объяснению ряда ситуаций и типов поведения, выходящих за рамки объясняемого рациональным выбором, независимо от того, как сильно можно «растянуть» последнее.

Термин «амбивалентность» был впервые использован психологом Э. Блейлером в 1910 г., хотя идея не была нова. Он придал термину несколько значений, одно из которых — сосуществование противоположных аффектов, любви и ненависти, в отношении одного объекта. Это значение привлекло внимание З. Фрейда, крупнейшего теоретика амбивалентности: оно пронизывает все его работы. Многие элементы психоаналитических теорий Фрейда были поставлены под сомнение — *эрос* и *танатос*, универсальный язык сновидений, психосексуальные стадии развития, первичная орда. Однако принцип амбивалентности остается краеугольным камнем психоаналитической мысли.

Фрейд широко применял идею амбивалентности. В «Толковании сновидений» он замечал, что в одном и том же сне часто снятся умершие люди, которые затем оживают, а потом опять становятся мертвыми. Фрейд утверждал, что эта последовательность «помогает спящему отвергнуть собственные эмоциональные установки, очень сильные и зачастую противоречивые» (Freud [1900] 1953, vol. 5: 431). Амбивалентность может быть эротизирована, как в садомазохизме (Freud [1905] 1953, vol. 7: 159). Она определяет сущность эдиповых отношений между ребенком и родителем. Например, о маленьком Гансе Фрейд замечает: «Мы знаем, что ... тревога Ганса имела две составляющие: существовала

боязнь *отца* и боязнь *за отца*. Первая проистекала из враждебности к отцу [как сопернику за мать], вторая же — из конфликта между его привязанностью ... и его враждебностью» (Freud [1909] 1955a, vol. 10: 45).

Амбивалентность находится в центре расстройств навязчивых состояний, когда человек постоянно мечется между двумя сторонами «конфликта между двумя противоположными импульсами примерно равной силы» (Freud [1909] 1955b, vol. 10: 192). Действительно, развитие самого *сознания* укоренено в амбивалентности: «одно из противоположных чувств должно быть неосознанным и оставаться подавленным под навязчивым преобладанием другого». (Freud [1912–1913] 1955c, vol. 13: 68).

Изучая работы Фрейда, можно обнаружить, что он установил следующие свойства амбивалентности:

1. Ее истоки находятся в близких отношениях между ребенком и его или ее родителями и братьями и сестрами. Эти отношения, могут добавив, таковы, что *ребенок не может от них уклониться*. Это важнейший момент.

2. Чем сильнее положительная сторона амбивалентности, тем сильнее отрицательная. Фрейд писал: «Король или правитель своими привилегиями пробуждает зависть: вероятно, каждый хотел бы быть королем. Мертвецы, новорожденные и женщины, во время менструации или рожающие, возбуждают желания своей особенной беспомощностью; мужчина, только что достигший зрелости, возбуждает их обещанием нового наслаждения. Поэтому все эти лица и все эти состояния табуированы — чтобы противостоять искушению» (Freud [1912–1913] 1955c, vol. 13: 33). В другом месте он писал о «законе амбивалентности чувства, который до настоящего времени управляет нашими эмоциональными отношениями с теми, *кого мы любим больше всего*» (Freud [1915] 1957, vol. 14: 293). (Кстати, это положение противоречит утверждению Хоманса: «чем чаще люди взаимодействуют, тем больше вероятность того, что они будут испытывать друг к другу дружеские чувства» (Homans 1950: 133). Хоманс прав лишь наполовину: «закон амбивалентности» добавляет к ним отрицательные чувства).

3. Амбивалентность утверждает в психике, она не может быть разрешена раз и навсегда. Говоря о желании ребенка мастурбировать и о соответствующем запрете (как родителями, так и сознанием самого ребенка), Фрейд отмечал: «этот запрет не достигает успеха в *уничтожении* инстинкта: он лишь *подавляет* инстинкт (желание прикосновения) и изгоняет его в бессознательное. Запрет и инстинкт сосуществуют, ... психологическая констелляция фиксируется в *амбивалентном* отношении субъекта к одному объекту» (Freud [1909] 1955a, vol. 10: 29).

4. Хотя амбивалентное отношение закрепляется в основном в детстве, оно легко распространяется на иные реальные и символические ситуации. Наиболее драматический пример Фрейда — это положитель-

ный и отрицательный перенос пациента на психоаналитика, происходящий в отсутствие какого-либо стимула, который мог бы вызвать сильную реакцию. Амбивалентность находит выражение в религиозных системах. Как пишет Фрейд, «Противоречия в истинной сущности Бога — это ... отражение амбивалентности, определяющей отношение индивида к собственному отцу. Если благосклонный и справедливый Бог замещает его отца, не удивительно, что враждебное отношение к отцу — страх и ненависть, а также жалобы на него — также должны были найти выражение в создании Сатаны» (Freud [1922] 1961, vol. 19: 85). Э. Эриксон, объясняя психологию и теологию протестантизма Мартина Лютера, неоднократно обращался к идее расщепления (Erikson 1962).

У психологии амбивалентности есть еще один компонент. Поскольку амбивалентность представляет собой *влиятельное, стойкое, неразрешимое, изменчивое, склонное к распространению и порождающее тревогу* свойство человеческого существования, то люди защищаются от переживания амбивалентности различными способами. Эти механизмы защиты, как отмечал Фрейд, включают в себя: переворачивание одной стороны амбивалентного чувства — обычно с превращением отрицательной стороны в положительную («любите врагов ваших») (Freud [1912] 1958, vol. 12: 299); подавление одной стороны и закрепление другой в реактивном образовании, например, в идеализации родителя; замещение реального объекта удаленным объектом или символом; проекция, например, преодоление амбивалентных чувств по отношению к любимому человеку, который умер, посредством обвинения злых духов; расщепление или перенос положительной стороны амбивалентности на безусловную любовь к одному человеку или объекту, а отрицательной стороны — на безоговорочную ненависть к другому (см. также Klein [1935] 1986: 141–143).

Последовательность, начинающаяся с амбивалентности, переходящей в защиту, из которой следует поведение, плохо соответствует логике рационального выбора. Динамика амбивалентности часто остается за рамками сознания и расчета. Представляется, что психологические и поведенческие реакции, предполагаемые амбивалентностью, — это непосредственные ответы на эмоции (преимущественно, на тревогу), в целом ускользающие от рефлексии. Можно сказать, что этот вид поведения *адаптивен* — хотя и с переменным успехом — и *разумен*, в том смысле, что поддается пониманию с помощью логики амбивалентности. (Можно даже предположить, что амбивалентность вынуждает нас к размышлению даже сильнее, чем предпочтения, ибо конфликт как мотив, побуждающий думать, может быть сильнее желания). Также представляется возможным разрабатывать модели поведения, основанные на динамике амбивалентности. Отнесение же их к логике «рацио-

нального» или «выбора» или «рационального выбора» аналитически непродуктивно, т. к. предполагает серьезное концептуальное «растягивание» и добавляет мало нового — за исключением ложного чувства точности и эффекта назидания, к которому обычно приводит использование идеи «рационального».

Приложение логики амбивалентности

Смерть и потеря

Ниже я буду рассматривать амбивалентность, обращаясь к очевидному примеру. Потеря — особенно непредвиденная потеря — любимого человека вызывает сильнейшие амбивалентные реакции. Классическое исследование тяжелых утрат принадлежит Э. Линдемману (1944), психиатру, который брал интервью у выживших в пожаре и сопровождавшей его панике в ночном клубе «Кокосовая роща» в Бостоне во время Второй мировой войны. Он наблюдал у интервьюируемых «синдром утраты» (“mourning syndrome”), который заключается в некоторых аффективных и поведенческих реакциях, иногда возникающих в строгой последовательности: оцепенение и отрицание, обвинение потерянной жертвы, самообвинение и идеализация жертвы, обвинение других людей, а затем постепенная «переработка» горя через возобновление повседневной жизни и поддержание старых и построение новых социальных отношений. Все эти реакции сопровождались сильными аффектами. Даже те, кто не пережил личную потерю, находились в состоянии шока, и за трагедией последовали поиски козла отпущения: коридорного (по чьей вине, предположительно, возник пожар), администрации ночного клуба, городских инспекторов и т. д. (Veltford, Lee 1943).

Синдром утраты был документирован и в других обстоятельствах, включая смерть товарищей на поле боя во время Второй мировой и Вьетнамской войн (Grinker, Spiegel 1945; Lifton 1973), а также потерю любимых, друзей и соседей во время стихийных бедствий (Erikson 1976). Он также наблюдается при естественной смерти родителей, супругов, детей и других близких людей, хотя в случае давно ожидаемых смертей предвосхищающие реакции горя смягчают процесс утраты.

Шок, гнев, горе и восстановление после этого горя также наблюдаются в случае смерти политического лидера или культурного идола. Эти фигуры часто наделяются харизмой, особенно во время кризиса, но за этой идеализацией скрывается глубокая амбивалентность, которая, вероятно, объясняет «хрупкость харизмы» (Aberbach 1996). Исследования выявили амбивалентные реакции на смерть Франклина Рузвельта (Grazia 1948) и на убийства Авраама Линкольна, Джона Кеннеди, Роберта Кеннеди и Мартина Лютера Кинга (Bonjean, Hill, Martin 1965; Sheatsley, Feldman 1965; Turner 1982). Покушение на Рональда Рейгана в 1981 г. вызвало те же реакции, включая пожелания, чтобы покушение

оказалось успешным (Mortensen 1987). Также примечательна идеализация Ричарда Никсона — возможно, самой амбивалентной фигуры из президентов XX в., — последовавшая за его смертью. Смена лидеров — потеря старого и появление нового — часто порождает нестабильность и волнения (Gouldner 1954; Weber [1922] 1968). Если нужны другие примеры, достаточно указать на эмоционально насыщенные и зачастую идеализированные воспоминания о таких фигурах, как Мэрилин Монро и Элвис Пресли, иногда включающие веру, что они до сих пор живы (Fowles 1992). Мы аффективно связаны с нашими лидерами и секулярными богами и богинями — как по причине того, чем они являются, так и потому, что переносим на них сильные положительные и отрицательные аффекты из детства. Поэтому, теряя их, мы переживаем тяжелую утрату.

Синдром утраты может возникать и в ответ на иного рода потери. Развод и разлука, часто добровольные и даже желаемые, могут порождать реакции амбивалентности и «переработку», столь же сложные и глубокие, как и реакции на смерть. Обычно человек не может полностью забыть или восстановить душевное равновесие после брака или любовной связи (Goode 1965). Уход детей из дома, хотя иногда приветствуется и родителями, и детьми, также чреват продолжительной амбивалентностью.

Более мягкие, хотя и сходные реакции возникают после других потерь, таких как увольнение или переезд. Здесь можно отметить, что в конце двадцатого века мир испытывает рост такого рода потерь и разделений. Об этом свидетельствуют высокие показатели количества разводов, разобщений и разрывов; непрерывная географическая мобильность и рост международной миграции; оскудение соседства и общности, вызываемое этой мобильностью; «революция временной занятости» (“temp revolution”), из-за которой рабочие чаще переходят с места на место; а также рост мобильности *на* месте работы, связанный с явлением гибкой специализации (Piore, Sabel 1984). Наши дни можно назвать «эпохой временности» (“age of temporariness”) или «эпохой прерывности» (“age of intermittency”) или, возможно, «эпохой последовательного соединения» (“age of sequential bonding”). Человек обладает сильнейшей способностью адаптироваться к этим обстоятельствам, но следует признать, что мы не защищены от периодически возникающих амбивалентных реакций, сопровождающих подобные события и потери.

За всеми этими примерами кроется один принцип: устанавливая тесные — и даже поверхностные — связи с другими людьми, мы отчасти теряем эмоциональную свободу. Эти связи с необходимостью пронизаны амбивалентностью, хотя бы отчасти, и, теряя других или разлучаясь с ними, мы не можем уйти от амбивалентности, даже несмотря на то, что процесс ее преодоления часто мягок и непродолжителен. Этот принцип допускает обобщение, и сейчас я обращусь к менее очевидным примерам.

Зависимость, ограничения выбора и амбивалентность

Давайте вспомним типы ситуаций, которым модель рационального выбора соответствует в наибольшей степени. Это те ситуации, когда и расчет, и выбор институционализированы и поощряются, а критерии расчета известны. Еще одна их особенность — актер может свободно вступать в отношения обмена и выходить из них. Мы называем это «выбором», разновидностью *свободы*, прототипом которой служат рынки потребительских благ и свободного труда. По словам А. Хиршмана, «некоторые покупатели прекращают покупать продукты фирмы или некоторые члены организации покидают ее» (Hirschman 1970: 4). Хиршман называет это *возможностью выхода*, к чему я вернусь позднее.

Разумеется, эта свобода относительна, т. к. решение *не* покупать продукт может включать психологические издержки. Более того, человеку обычно приходится *где-то* работать, для работника уход со старой работы и поиск новой часто рискован и обходится дорого. Отметим, однако, что теоретики рационального выбора (в особенности в теории игр) также анализируют ситуации, где выбор ограничен, — например, отношения с властями, шантаж и международные отношения.

Не забывая о связи со свободой, я перехожу к калейдоскопу ситуаций, в которых актеры *зависят* друг от друга, причем форма зависимости может быть разной. Подчиненный во властных отношениях зависим политически, приверженец религиозного или социального движения зависим идеологически, влюбленный зависим эмоционально. Однако эти ситуации объединяет то обстоятельство, что свобода выхода — выбор — ограничена вследствие политических, идеологических или эмоциональных издержек. Таким образом, зависимость влечет за собой некоторую ловушку. Отношения между зависимостью и солидарностью — положительной стороной амбивалентности — хорошо осмыслены (Hechter 1987), но этой, отрицательной, стороне зависимости не уделяли подобного внимания. Мой основной тезис состоит в следующем: ситуации зависимости порождают амбивалентность — соответственно, к ним наиболее применимы модели поведения, основанные на постулате амбивалентности. Я покажу это на нескольких примерах.

1. Вернемся к Фрейдю. Его прототипическая ситуация развития амбивалентности — ребенок, зависимый от родителей во многих отношениях: в плане выживания как организм, зависимый как от авторитетов, а также эмоционально зависимый, из-за любви к ним. Детство предполагает род порабощения, которого никто не может избежать. Детские объекты амбивалентности — это те, кто поймали ребенка в ловушку: родители, братья и сестры (и, возможно, — в наше время все в большей степени — персонал по уходу за детьми). Подростковый возраст — это продолжительный опыт частичного побега, период, когда амбивалентность по отношению к родителям, братьям и сестрам периодически

«отыгрывается», иногда в предельных формах. Когда же бегство в независимость более или менее удалось, мы часто наблюдаем возвращение к положительной стороне амбивалентности, так как пути ослабли. Этот процесс схвачен в замечании Марка Твена, который в шестнадцать лет думал, что на свете нет большего глупца, чем его отец, а к двадцати одному году удивлялся, сколь многому научился этот немолодой человек за пять лет. Однако это бегство никогда не бывает полным. Порабощенный ребенок внутри нас никогда всецело не избавится от амбивалентного отношения к родителям, братьям и сестрам, и эта амбивалентность находит выражение в периодическом «переносе» (“transference”) на авторитеты, коллег, подчиненных, возлюбленных, друзей, богов, демонов, героев и козлов отпущения.

2. У взрослых людей амбивалентность наиболее очевидна в отношениях между любовниками, супругами, близкими и друзьями — одним словом, теми, от кого мы зависим. Эти отношения можно назвать «добровольной эмоциональной зависимостью» или, скорее, зависимостью, возникающей из частично добровольных действий влюбленности или дружбы. Эти отношения часто предполагают и другие виды зависимости: в браке, например, зависимость порождается разницей во власти, которой обладают муж и жена, а в дружбе — политическим и статусным неравенством. Эмоциональная зависимость, однако, существует всегда.

3. В своей экспериментальной и теоретической работе по групповому членству и аффектам Э. Лоулер утверждал, что «положительные эмоции, порожденные процессом выбора, усиливают аффективные связи с группой, которая, как считается, предоставляет возможности выбора; напротив, отрицательные эмоции ослабляют связи с теми, кого обвиняют в ограничении этого выбора» (Lawler 1997: 393; см. также Lawler 1992). Общий принцип заключается в том, что принуждение порождает амбивалентность, и — как частный случай — трудности выхода из группы, в которой «заперт» человек, что ведет к росту амбивалентности по отношению к ней и к ее членам.

4. Некоторые типы организации — это рассадники амбивалентности и ее последствий: озлобленности, мелких дрязг, борьбы за признание и порочной политики, — даже если политические ставки не очень высоки. Это гофмановские «тотальные институты» (Goffman 1962): психиатрические больницы, военные лагеря, тюрьмы и частные школы, — а также монастыри, психоаналитические и академические учреждения. Эти организации объединяет то, что их участники «заперты» в них вследствие личных или институциональных обязательств или иных обстоятельств и могут покинуть их лишь с большими потерями. В академических учреждениях люди «заперты» из-за бессрочных контрактов или из-за сильного желания их получить и борьбы за это и могут уйти

лишь с большими потерями, — если только не появится более привлекательная возможность. Люди вынуждены жить друг с другом, но это не означает, что они должны любить друг друга — из этого скорее следует, что они испытывают и любовь, и ненависть.

Этим организационным условиям противостоят ситуации, когда люди проживают вместе временно и знают, что могут из них выйти или избежать их. Я называю их ситуациями «одиссеи», обладающими известным началом, продолжительностью и завершением. Это морские путешествия, летние лагеря, молодые годы за рубежом и время учебы в колледже. Я бы добавил сюда и годы пребывания в собственном Центре новейших исследований в поведенческих науках. Люди, иногда незнакомые, собраны вместе и находятся рядом, но они знают, что эта тесная связь в свое время придет к концу. Поэтому они могут позволить себе любить друг друга и забыть — более или менее — об отрицательной стороне амбивалентности, связанной с близостью. Это обстоятельство, я уверен, во многом объясняет, почему опыт подобной одиссеи обычно переживается и вспоминается с неомраченной сентиментальностью и ностальгией.

5. Амбивалентность также возникает в группах, организациях и социальных движениях, требующих от своих членов и приверженцев преданности, принятия обязательств и строгого соблюдения принципов. Это церкви, этнические и расовые группы и движения, профессиональные союзы и другие социально-классовые движения и социальные движения вообще. Некоторые из них особенно активны в наши дни — это группы и движения идентичности, которые, очевидно, во всем мире бросают вызов национальному государству. Зависимость, возникающая в этих условиях, проистекает из приверженности вере, делу или общей цели, а также вследствие членства в организации, требующей этой приверженности.

Здесь можно сделать три наблюдения. Во-первых, эти группы и организации обнаруживают принцип внутригрупповой солидарности в сочетании с враждебностью к чужакам. Этот принцип ясно изложен в социологии Георга Зиммеля (Coser 1956; Wolff: 1950: 368–70). Почти все эти группировки делят мир на две части: друзей и врагов, верующих и неверующих, добрых и злых. Мы в полной мере не понимаем значения этой категоризации, но одной из ее очевидных функций служит устранение внутренней амбивалентности, вызванной принятием обязательств, через ее расщепление между внутренним и внешним. Я не знаю лучшего механизма для защиты хрупкой солидарности этих «плотных» групп. Во-вторых, многие социальные движения — которые мы называем протестными — действуют *против* политических властей или социальных порядков, установленных и легитимизируемых этими властями. Они выражают отрицательную сторону амбивалентности, которая окра-

шивает большую часть ориентаций в отношении власти. В то же время многие из этих движений обнаруживают внутри себя противоположную тенденцию — обожание лидеров и строгое требование преданности и конформности. Но, в конечном счете, лидеры движений сами не застрахованы от амбивалентности своих последователей и постоянно подвергаются опасности испытать на себе ее отрицательную сторону. В-третьих, как непослушный ребенок пробуждает амбивалентное отношение родителей к себе (порожденное борьбой с их *собственной* унаследованной амбивалентностью), так и политические власти почти всегда принимают амбивалентную установку по отношению к тем, кто протестует против них. Соответственно, у власти всегда есть искушение наказать, что, по иронии, лишь усилит ее уязвимость. Тонкие отношения между протестующими и властями часто пронизаны двойной амбивалентностью: это игра в салки, где каждый все время стремится избежать неоправданного проявления отрицательной стороны амбивалентности, при этом пытаясь спровоцировать на него противника.

6. На потребительских рынках мы наблюдаем амбивалентность в отношении таких товаров, как ювелирные украшения, дорогая одежда, меха и роскошные автомобили. Эта амбивалентность особенно выражена у тех, кто не может позволить себе это расточительство или предметы роскоши — а иногда и у тех, кто может. Установки по отношению к предметам роскоши противоположны тем, которые касаются чисто утилитарных товаров: молотков, гвоздей, садовых шлангов и зубной пасты. Причина амбивалентности и разногласий лежит не в материальных свойствах самих продуктов — амбивалентность возникает потому, что эти товары служат символами *статусных систем* сообщества или общества. Место людей в этих системах во многом является вынужденным, это те системы, из которых трудно выйти, и их символы с необходимостью вызывают амбивалентные реакции.

7. Наконец, в поиске способов приложения идеи амбивалентности вполне можно заглянуть за кулисы социологии. Практически ни одна сторона нашего существования как социологов не избегает амбивалентности и производного из нее деления на группы или квазигруппы сторонников и противников определенной позиции. Мы амбивалентно относимся друг к другу, к конкурирующим представлениям о нашей дисциплине как о науке, гуманитарных исследованиях, политическом предприятии или искусстве. Мы испытываем амбивалентное отношение к методологиям, которые используем; к академическим подразделениям, в которых работаем; к администраторам и фондам, которые нас поддерживают; к другим дисциплинам. Наконец, и не в последнюю очередь, мы амбивалентны в отношении самого предмета — сообщества, одновременно включающего и подавляющего, девианта, нарушающего порядок и создающего новое. Если желаете, мы испытываем по отноше-

нию ко всему этому смешанные чувства. Обычно мы мало думаем об этих амбивалентностях, мы часто выражаем их и действуем под их влиянием без размышлений. Отрезвляющий парадокс состоит в том, что мы как социологи, возможно, лучше других способны понять амбивалентность, но едва ли задумываемся над ней и едва ли пытаемся ее исследовать. Однако такое понимание привело бы нас к объяснению собственных сектантских и раскольнических тенденций — что справедливо и для академической жизни в целом.

Социальная структура, социальные процессы и политическая амбивалентность

Продолжая анализ амбивалентности, я обращаюсь к примерам социальных структур и процессов, которые служат, среди прочего, средствами выражения, разыгрывания и никогда не достигаемого разрешения индивидуальной и групповой амбивалентности. Позвольте мне начать с разъяснения, чтобы избежать возможного непонимания. Меня не интересует *происхождение* этих структур и процессов, и, что более важно, я не полагаю, что они являются сознательными или несознательными *изобретениями*, созданными, чтобы справиться с амбивалентностью. Тем не менее, особая функция, которую выполняют эти структуры и процессы, может иметь некоторое отношение к сильным чувствам, которые они вызывают, и к их свойству сохраняться во времени.

Многие, если не все, общества институционализируют ритуалы, которые переворачивают — по крайней мере, на время — амбивалентные ситуации, например, когда студенты на один день получают возможность руководить городским правительством, или широко распространенная практика ритуального восстания (Gluckman 1963). В нашем и в других обществах атлетические состязания, организованные вокруг институционального членства (в школах, колледжах и университетах), а также сообществ или территорий (профессиональный спорт), предоставляют бесчисленные возможности для расщепления амбивалентности на солидарность с одной стороной и враждебность к другой. Атлетические состязания обычно тщательно контролируются и определяются как «просто игры», не имеющие значения для «серьезной» жизни, поэтому это расщепление относительно безопасно — если не перетекает в пьяные драки, в насилие толпы и в мародерство групп футбольных фанатов. В этот же список можно включить местную и региональную гордость (которая неизбежно включает некоторую враждебность по отношению к *другим* местностям и регионам), а также трудно институционализируемые городские банды, известные как горячей солидарностью, так и склонностью к насилию.

Привычные политические институты и процессы также предоставляют возможности для превращения амбивалентных чувств в однознач-

ные предпочтения, при этом одна сторона амбивалентности так или иначе становится нелегитимной. Рассмотрим следующие примеры.

Опрос общественного мнения — особое изобретение социальных наук — со временем превратился в полноценный политический институт. Его суть заключается в следующем: репрезентативной выборке граждан задают вопрос о политических деятелях (одобряют или не одобряют), о политических кандидатах (как собираются голосовать) или о проблеме, вызывающей общественный интерес (преступление, наркотики, аборт, позитивная дискриминация, расовые отношения). Большинство исследований общественного мнения фокусируются на фоновых социальных факторах (возраст, раса, пол, религия, образование) или на когнитивных процессах (теория сложности, теория равновесия, теория диссонанса) (Milburn 1991). Однако с аффективной точки зрения интересно, что большинство вопросов сформулировано *однозначно*: одобряют или не одобряют, нравится или не нравится, и насколько сильно. Но даже простая интроспекция говорит нам, что наши чувства в отношении публичных фигур и проблем *амбивалентны*, если не *многовалентны*. Вспомним лишь таких американских президентов, как Рузвельт, Трумэн, Эйзенхауэр, Кеннеди, Никсон, Форд, Картер, Рейган, Буш и Клинтон. Все эти имена вызывают смешанные чувства, хотя мы можем отдавать предпочтение одним перед другими. Подобным образом, мы амбивалентны в отношении многих социальных проблем, которым посвящены опросы, хотя иногда самоуверенно представляем собственное мнение себе и другим как безусловное. Эта амбивалентность почти не учитывается в большей части опросов. В самом деле, когда респондент вынужден выбирать из альтернатив, она обычно отодвигается в сторону. Опросы часто изображают мир, как бы разделенный на людей, выступающих за или против кого-либо или чего-либо, — явное искажение социально-психологической реальности чувств публики. Эта картина затем овеществляется в воображаемом «общественном мнении», ее выдают за реальность в прессе, с ней знакомятся рыночные аналитики и политики — и действуют соответственно. Следуя этой линии рассуждения, мы должны рассматривать исследования установок не как выявление предпочтений, а как искаженную структуру реальности, которая сводит к минимуму — и при этом делегитимирует — как неоднозначность, так и амбивалентность.

Этот общий диагноз опросов общественного мнения следует уточнить в одном важном отношении. Некоторые коллеги-социологи (Schuman, Presser 1981; Smith 1984; Turner, Martin 1984) изучали, и с большой изобретательностью, вопросы измерения отсутствующих установок (*non-attitudes*), страсти, интенсивности, субъективности и двойственности, тем самым приближаясь к методологической изош-

ренности, которая необходима, чтобы ухватить человеческую амбивалентность.

Другие, более обязывающие составляющие политического процесса также переопределяют, нейтрализуют и умиротворяют — по крайней мере, на время — ситуации публичной амбивалентности, более или менее постоянной и никогда не находящей разрешения. В электоральном процессе голосование превращает индивидуальную амбивалентность в абсолютное предпочтение. (Голоса также не выявляют предпочтения — они переводят амбивалентность в однозначность). Результаты суммируются, и победитель получает все — по меньшей мере, на какое-то время (Slater 1963). В то же время публичная амбивалентность временно делегитимируется — именно поэтому против результатов выборов крайне редко возникают протесты или, если все же случаются, они неэффективны — если не бросают вызов конституционным устоям. Эта логика или-или используется во многих политических актах: в принятых законах, в достигнутых компромиссах, в принятых судебных решениях. Все эти политические решения, имеющие принудительную силу, обладают свойством или-или, когда победитель получает все. Поэтому их можно рассматривать как «моменты затишья» в бесконечном процессе временно разрешенных амбивалентных и конфликтных ситуаций, когда одна сторона публичной амбивалентности на время представляется неприемлемой и нелегитимной.

В свете этой логики интересно перечитать замечательную книгу А. Хиршмана «Выход, голос и верность» как трактат об амбивалентности (Hirschman 1970). Взгляд Хиршмана в основном обращен на рынок, но его идеи также применимы к организациям и национальным государствам. Далее я рассмотрю ее политические аспекты.

С точки зрения гражданина и государства:

1. *Выход* — это способность граждан реагировать на отрицательную сторону их амбивалентного отношения к нации. Нация, разумеется, является социальной целостностью, от которой мы зависим, поскольку являемся ее членами от рождения, живя по ее законам и подчиняясь ее власти. Возможность выхода — это возможность покинуть страну.

2. *Верность* подавляет отрицательную и подчеркивает положительную сторону амбивалентности.

3. Наконец, *голос* занимает промежуточное положение. Он предполагает как некоторую степень верности, так и некоторую степень отчуждения и противостояния, — так что стремление к выходу признается. Создается некоторая арена для «отыгрышания» публичной амбивалентности и конфликта (с разной эффективностью) и их «переработки» в институциональные установления. Голос, по словам Хиршмана, это «любая попытка изменить нежелательное положение дел, а не избежать его» (Ibid.: 30). Голос обнаруживает себя в демократических институтах.

Он особенно важен, когда выход невозможен или обходится слишком дорого. Как замечает Хиршман, «данная ситуация очень типична для таких фундаментальных социальных организаций, как семья, государство или церковь» (Ibid.: 33).

Однако выход весьма затратен для индивидов, и Хиршман осознает амбивалентность, возникающую при выходе, — как и психологическое расщепление: «Оставляя родную страну, эмигрант принимает трудное решение и обычно платит за него высокую цену, разрывая сильные и многочисленные аффективные связи. Это усугубляется необходимостью включения в новую среду и приспособления к ней. Результатом является сильное психологическое принуждение любить то, ради чего были принесены такие большие жертвы. В ретроспективе “старая страна” будет казаться более отталкивающей, чем когда-либо, тогда как новая страна будет провозглашена величайшей, “последней надеждой человечества” и награждена иными превосходными эпитетами» (Ibid.: 112–113).

Хиршмановское разрешение посредством «расщепления», возможно, типично, однако более верное объяснение будет учитывать продолжающуюся амбивалентность по отношению к старому и новому, подобно тому, как колонии, «вышедшие» из состава империи, продолжают испытывать амбивалентные чувства по отношению к бывшей колониальной власти.

В организациях с тесными связями разрешению амбивалентности могут служить многочисленные сочетания выхода, голоса и верности. В классическом иудаизме, определяющем себя как племенной, требовалась исключительная верность, а выход был невозможен. В классическом католицизме выход был практически невозможен (только через отлучение от церкви), а голос (ересь) был запрещен за исключением католических «орденов», которые, заявляя о верности, полностью не выходили из церкви и сохраняли некоторое право голоса. В протестантизме во многих случаях верность оставалась вопросом индивидуального выбора, предоставлялось большее право голоса, а выход (схизма) был относительно прост. На протяжении своей непростой истории Восточная Германия подавляла возможности выхода и голоса и требовала безусловной верности. Когда в критический момент выход стал возможен, он *стал* голосом, и режим, который в лучшем случае вызывал к себе амбивалентное отношение — и лишь в малой степени подлинную верность, — рухнул (Joppke 1995).

Наконец, эта линия рассуждения вносит вклад в наше понимание демократии и демократических институтов. Упрощая, можно говорить, что Французская революция оставила Западу (как оказалось — и всему миру) две великие политические идеи, кристаллизовавшиеся по мере развития революционных событий. Первая часть наследия — это цен-

ности свободного демократического сообщества, выраженные в первом слове революционного лозунга — *liberté*, — подразумевающим, что государство вмешивается в дела граждан, только когда те угрожают нанести вред другим гражданам. Вторая часть — это идея современного национального государства — *la patrie*, — ставшая современным основанием политической интеграции. Национальное государство рассматривают как средоточие суверенитета и государственного управления, как ограниченную территорию, как место экономической самодостаточности, как обладателя монополии на легитимную силу и насилие, как очаг общей культуры (включая язык) и как объект верности и групповой идентичности. (Наша клятва перед флагом, которая обращается к «одной нации... неделимой, со свободой... для всех», сочетает в одной фразе обе ценности.)

Эти два набора идей, очевидно, утопичны: в чистой форме они нереализуемы. Более того, они часто направляют в разные стороны, что приводит к целому ряду неразрешимых политических амбивалентностей, которые продолжают доминировать в нашей политической жизни (Wagner 1994). В этом контексте большинство демократических институтов выступают как «голоса» — механизмы, пригодные для того, чтобы постоянно «перерабатывать» амбивалентность, хотя цель этого процесса никогда не достигается в достаточной степени.

Ход моих рассуждений таков: свободу можно рассматривать как принцип ограниченного выхода в контексте верности — так минимизируется участие правительства в жизни граждан. Но этот принцип находится в постоянном противоречии с политическими императивами суверенной нации, затрудняющими выход и требующими верности. И то, и другое препятствует свободе, определенной абсолютно.

При институционализации демократического принципа — или мифа, если угодно, — согласно которому правителями правят люди, которыми они правят, легитимацию получают ограниченные посягательства на свободу, особенно если правители контролируются квази-независимыми учреждениями — судами.

Заключительные замечания

Если представить более широкую картину места рационального и амбивалентного в социальных науках, то становится ясно, что мы имеем дело с фундаментальной экзистенциальной дилеммой человеческого существования. Это уже было выражено в разного рода дихотомиях: свободы и принуждения, независимости и зависимости, автономии и зависимости, зрелости и детскости и пр., — но независимо от дихотомии дилемма кажется неразрешимой. Ни один из полюсов не является отдельным состоянием или положением. Ни свобода, ни зависимость не может осуществиться в полной или исключительной форме, т. к. одна

является частью другой. Человеческие существа желают и стремятся к обеим, но, когда они достигают определенной степени в одной из них, другая вновь заявляет о себе. Это характерно и для самой природы амбивалентности: мы желаем обе стороны одновременно, но не можем полностью удовлетворить ни одну из них.

Мы, социальные ученые, за нашу короткую историю создали своеобразное «разделение труда», которое можно понять в свете описанной мною дилеммы. Экономика и часть политической науки (теория демократии и исследования демократии) подчеркивают сторону свободы; части социологии, антропологии и социальной психологии — делающие акцент на межличностных, нормативных и иных принуждающих силах — подчеркивают взаимозависимость людей. Я полагаю, что традиции рационального выбора наиболее применимы к ситуациям, в которых преобладает *относительная* свобода выбора. По видимости, Дж. Коулмен подтверждает мою точку зрения, когда отстаивает использование в социальной теории модели рационального действия. Он утверждает, что ее принципы «имеют основание в образе человека, родственном гуманизму» (Coleman 1990: 4). Здесь он отсылает к классическому либеральному образу — «свободе индивидов действовать, как они пожелают» — и к беспокойству относительно «принуждений, которые социальная взаимозависимость накладывает на нашу свободу» (Ibid.). По моему мнению, это говорит о том, что принципы рационального выбора *приложимы* к ситуациям, где выбор *институционализирован*.

Я также утверждаю, что психологические модели, основанные на амбивалентности, особенно подходят для анализа социальных ситуаций со значительной политической, групповой и эмоциональной зависимостью. Мы обнаруживаем, что обе стороны дилеммы между свободой и зависимостью играют соответствующую роль в наших социальных установлениях.

Наконец, я заявляю, что мы должны стремиться к пониманию обеих сторон — свободы и зависимости, — принимая различные допущения и используя различные объяснительные стратегии. Исследуя свободу и зависимость наравне со свободой, мы движемся к более полному пониманию человеческого действия, социальных институтов, а также самих условий человеческого существования.

Перевод с английского А.В. Резаева и Н.Д. Трегубовой

Литература

Aberbach D. Charisma in Politics, Religion and the Media: Private Trauma, Public Ideals. London: Macmillan, 1996.

Albrow M. The Global Age: State and Society Beyond Modernity. Cambridge, England: Polity, 1996.

Becker G.S. The Economic Approach to Human Behavior. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1976.

Becker G.S., Murphy K.M. A Theory of Rational Addiction // Journal of Political Economy. 1988. Vol. 96. Pp. 675–700.

Bonjean Ch.M., Hill R.J., Martin H.W. Reactions to the Assassination in Dallas // The Kennedy Assassination and the American Public: Social Communication in Crisis / Ed. by B.S. Greenberg and E.B. Parker. Stanford, CA: Stanford University Press, 1965. Pp. 178–98.

Coleman J.S. Foundations of Social Theory. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press, 1990.

Collins R. Emotional Energy as the Common Denominator of Rational Action // Rationality and Society. 1993. Vol. 5. Pp. 203–30.

Coser L. The Functions of Social Conflict. Glencoe, IL: Free Press, 1956.

Downs A. An Economic Theory of Democracy. New York: Harper and Row, 1957.

England P. A Feminist Critique of Rational-choice Theories: Implications for Sociology // American Sociologist. 1989. Vol. 20. Pp. 14–28.

England P., Kilbourne B.S. Feminist Critiques of a Separate Model of Self: Implications for Rational Choice Theory // Rationality and Society. 1990. Vol. 2. Pp. 156–171.

Erikson E.H. Young Man Luther. New York: Norton, 1962.

Erikson K. Everything in its Path. New York: Simon and Schuster, 1976.

Fowles J. Star struck: Celebrity Performers and the American Public. Washington, DC: Smithsonian Institution Press, 1992.

Freud S. The Interpretation of Dreams // The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud. Vols. 4–5 / Ed. by J. Strachey. London: Hogarth Press, [1900] 1953. Pp. 1–625.

Freud S. Three Essays on Sexuality // The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud. Vol. 7 / Ed. by J. Strachey. London: Hogarth Press, [1905] 1953. Pp. 125–243.

Freud S. A Phobia in a Five-year-old Boy // The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud. Vol. 10 / ed. by J. Strachey. London: Hogarth Press, [1909] 1955a. Pp. 3–149.

Freud S. Notes Upon a Case of Obsessional Neurosis // The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud. Vol. 10 / Ed. by J. Strachey. London: Hogarth Press, [1909] 1955b. Pp. 153–249.

Freud S. Totem and Taboo // The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud. Vol. 13 / Ed. by J. Strachey. London: Hogarth Press, [1912–1913] 1955c. Pp. 1–161.

Freud S. Recommendations to Physicians Practicing Psycho-Analysis // The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud. Vol. 12 / Ed. by J. Strachey. London, England: Hogarth Press, [1912] 1958. Pp. 91–96.

Freud S. Thoughts for the Times on War and Death // The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud. Vol. 14 / Ed. by J. Strachey. London: Hogarth Press, [1915] 1957. Pp. 275–300.

Freud S. A Seventeenth-Century Demonological Neurosis // The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud. Vol. 19 / Ed. by J. Strachey. London: Hogarth Press, [1922] 1961. Pp. 72–105.

Gluckman M. Rituals of Rebellion in Tribal Africa. London: Cohen and West, 1963.

- Goffman E.* Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates. Garden City, NY: Doubleday, 1962.
- Goode W.J.* Women in Divorce. New York: Free Press, 1965.
- Gouldner A.W.* Wildcat Strike. Yellow Springs, OH: Antioch Press, 1954.
- Grazia S. de.* The Political Community. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1948.
- Grinker R., Spiegel J.* Men Under Stress. Philadelphia, PA: Blakiston, 1945.
- Habermas J.* Legitimation Crisis. Boston, MA: Beacon Press, 1975.
- Hechter M.* Principles of Group Solidarity. Berkeley, CA: University of California Press, 1987.
- Hirschleifer J.* The Affections and the Passions: Their Economic Logic // Rationality and Society. 1993. Vol. 5. P. 185–202.
- Hirschman A.O.* Exit, Voice, and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations, and States. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1970.
- Homans G.* The Human Group. New York: Harcourt, Brace and World, 1950.
- Jasso G.* Choice and Emotion in Comparison Theory // Rationality and Society. 1993. Vol. 5. P. 231–274.
- Joppke Ch.* East German Dissidents and the Revolution of 1989. New York: New York University Press, 1995.
- Klein M.* A Contribution to the Psychogenesis of Manic-Depressive States // The Selected Melanie Klein / Ed. by J. Mitchell. Harmondsworth, England: Penguin Books, [1935] 1986. Pp. 115–145.
- Lawler E.J.* Choice Processes and Affective Attachments to Nested Groups: A Theoretical Analysis // American Sociological Review. 1992. Vol. 57. P. 327–39.
- Lawler E.J.* Affective Attachments to Nested Groups: The Role of Rational Choice Processes // Status, Networks, and Structures: Theory Development in Group Processes / Ed. by J. Skvoretz, J. Szmataka, and J. Berger. Stanford, CA: Stanford University Press, 1997. Pp. 387–403.
- Levine D.N.* Review of Sociological Ambivalence and Other Essays by Robert K. Merton // American Journal of Sociology. 1977. Vol. 83. Pp. 1277–1279.
- Levine D.N.* The Flight from Ambiguity: Essays in Social and Cultural Theory. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1985.
- Lifton R.* Home From the War: Vietnam Veterans: Neither Victims Nor Executioners. New York: Simon and Schuster, 1973.
- Lindemann E.* Symptomatology and Management of Acute Grief // American Journal of Psychiatry. 1944. Vol. 101. Pp. 141–148.
- Lindenberg S.* Norms and the Power of Loss: Ellickson's Theory and Beyond // Journal of Institutional and Theoretical Economics. 1994. Vol. 150. Pp. 101–113.
- Loomes G., Sudgen R.* Regret Theory: An Alternative Theory of Rational Choice Under Uncertainty // Economic Journal. 1982. Vol. 12. Pp. 805–825.
- Merton R.K., with Barber E.* Sociological Ambivalence and Other Essays. New York: Free Press, [1963] 1976.
- Milburn M.A.* Persuasion and Politics: The Social Psychology of Public Opinion. Pacific Grove, CA: Brooks/Cole, 1991.
- Mortensen C.D.* Violence and Communication: Public Reactions to an Attempted Presidential Assassination. Lanham, MD: University Press of America, 1987.
- Oberschall A.* Social Conflict and Social Movements. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1973.

- Olson M.* The Logic of Collective Action. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1965.
- Piore M., Sabel C.* The Second Industrial Divide. New York: Basic Books, 1984.
- Schelling Th.C.* Coping Rationally with Lapses from Rationality // Eastern Economic Journal. 1996. Vol. 22. Pp. 251–269.
- Schuman H., Presser S.* Questions and Answers in Attitude Surveys: Experiments on Question Form, Wording, and Context. New York: Academic Press, 1981.
- Sheatsley P.B., Feldman J.J.* A National Survey on Public Reactions and Behavior // The Kennedy Assassination and the American Public: Social Communication in Crisis / Ed. by B.S. Greenberg, E.B. Parker. Stanford, CA: Stanford University Press. 1965. Pp. 149–177.
- Sica A.* Weber, Irrationality, and Social Order. Berkeley, CA: University of California Press, 1988.
- Slater Ph.E.* On Social Regression // American Sociological Review. 1963. Vol. 28. Pp. 339–363.
- Smelser N.J.* Economic Rationality as a Religious System // Rethinking Materialism: Perspectives on the Spiritual Dimension of Economic Behavior / Ed. by R. Wuthnow. Grand Rapids, MI: William B. Eerdmans Publishing, 1995. Pp. 73–92.
- Smith T.W.* The Subjectivity of Ethnicity // Surveying Subjective Phenomena. Vol. 2 / Ed. by C.E. Turner and E. Martin New York: Russell Sage Foundation, 1984. Pp. 117–128
- Taine H.* The Ancient Regime. London: Sampson Low, Marston, Searle and Rivington, 1881.
- Tocqueville A. de.* The Old Regime and the French Revolution. New York: Harper, 1856.
- Turner Ch.F., Martin E.* Surveying Subjective Phenomena. New York: Russell Sage Foundation, 1984.
- Turner Th.R.* Beware the People Weeping: Public Opinion and the Assassination of Abraham Lincoln. Baton Rouge, LA: Louisiana State University Press, 1982.
- Veltford H.R., Lee G.E.* The Cocoanut Grove Fire: A Study in Scapegoating // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1943. Vol. 38 (clinical supp.) Pp. 138–143.
- Wagner P.* A Sociology of Modernity: Liberty and Discipline. London: Routledge, 1994.
- Weber M.* Economy and Society / Ed. by G. Roth and C. Wittich. New York: Bedminster Press, [1922] 1968.
- Wolff K.H.* (ed.) The Sociology of Georg Simmel. Glencoe, IL: Free Press, 1950.